

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ГЕНДЕРА И СЕКСУАЛЬНОСТИ

ИНТЕРСЕКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ В ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

*Анна Адриановна Темкина**, *Елена Андреевна Здравомыслова*

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Темкина А.А., Здравомыслова Е.А. (2017) Интерсекциональный поворот в гендерных исследованиях. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 20(5): 15–38.

Аннотация. В этой статье** рассматривается интерсекциональность как современная методология гендерных исследований, получившая распространение и академическое признание в последние десятилетия. Интерсекциональный анализ (ИА) в гендерных исследованиях рассматривается как неофеминистская методология, позволяющая обозначить и выявить комплексный характер действия множественных механизмов гендерного неравенства. ИА сфокусирован на изучении иерархических различий между индивидами и группами в зависимости от сложных констелляций их положения в обществе, определяемого по множеству параметров (от гендера до класса и этничности). Мы проанализируем основные методологические принципы поворота к интерсекциональности, представим краткий обзор научных дискуссий вокруг этого теоретического подхода, который развивается как критика стабильных и универсальных гендерных категорий, рассмотрим ключевые дилеммы ИА, а также его преимущества при проведении эмпирических исследований. Критики и сторонники ИА активно обсуждают конкретные параметры социального разделения и оси власти, которые необходимо учитывать при анализе, равно как и типы связности между механизмами производства властных отношений. Данный подход обращает особое внимание на исторический и культурный контекст, который обуславливает и поддерживает существующие гендерные иерархии, но одновременно производит эмансипирующую и эгалитарную повестку, сохраняя общественную направленность академического феминизма и гендерных исследований (в духе публичной социологии). Осмысление методологии сопровождается примерами эмпирических исследований на российском материале.

Ключевые слова: интерсекциональность, гендерные исследования, угнетение, неравенство, класс, гендер, раса, этничность, сексуальность

* Авторы для связи. E-mail: temkina@eu.spb.ru, zdrav@eu.spb.ru

** Фрагменты статьи были использованы для подготовки глав учебного пособия: Здравомыслова Е., Темкина А. *12 лекций по гендерной социологии*. СПб.: Издательство ЕУСПб, 2015.

Введение

«Интерсекциональность» — это метафорический термин, который отсылает к образу перекрестка как места пересечения множества неравнозначных магистралей с разнонаправленными транспортными потоками. Интерсекциональная социальная локация образована на пересечении нескольких осей власти или социального разделения. Исследование каждой такой локации предполагает анализ комплексного механизма ее формирования. Таким образом, термин интерсекциональность имеет онтологический и эпистемологический смысл: интерсекциональным является и сама социальная позиция, и ее исследование. На пересечении осей распределения власти находится социальная позиция. Речь идет о гендере, классе, расе, этничности. Они конвенционально признаются наиболее существенными категориями, обозначающими социальные различия и потоки (оси) распределения власти в обществе. Однако критериев разделения гораздо больше, и их значимость в опыте индивидов и групп познается в контексте.

Интерсекциональный анализ (ИА) как методология гендерных исследований развивается со второй половины 1980-х гг. Ряд исследователей считает этот подход «наиболее существенным вкладом женских исследований... в социальную теорию» (McCall 2005: 1771). ИА постепенно приходит на смену традиционным подходам к изучению социального неравенства и стратификации (Yuval-Davis 2011: 8). Эта методология в настоящее время приобрела зонтичный характер, объединив несколько версий и уровней анализа. Однако ее варианты опираются на базовые принципы. В этой статье мы приводим примеры применения ИА для разных контекстов, в том числе и для российского. Поле эмпирических исследований (особенно выполненных в традиции качественной методологии) насыщены конкретными примерами ИА, но в российском научном сообществе он часто не является артикулированным. Наша задача — сделать этот инструмент и методологическую позицию (фактически уже существующую) предметом целенаправленной рефлексии и критического восприятия в российском контексте, на что и направлена наша пропедевтическая статья.

Толкование интерсекциональности

При определении интерсекциональности возникают некоторые сложности. Что считать интерсекциональным — изучаемый сегмент социальной жизни, исследовательский подход или позицию исследователя? Термин используется в нескольких значениях на разных аналитических уровнях, а кроме того адаптация категориального аппарата в российском контексте представляет собой вызов для авторов статьи. Обсуждая эту проблему, мы продолжаем рефлекссию по поводу «трудностей перевода» академических категорий, путешествующих в глобальном пространстве производства

знаний. Сходные задачи стояли перед нами, когда мы с коллегами интегрировали семантику и тезаурус гендера в российский академический дискурс.

Американская исследовательница Лесли МакКолл определяет интерсекциональность как «взаимообусловленные множественные измерения и модальности социальных отношений, с одной стороны, и соответствующие им формации субъектности, с другой» (McCall 2005: 1771). Таким образом, она указывает на структурно-конструктивистский дуалистический характер интерсекциональной оптики, поскольку ИА может обращаться к различным уровням социальности: личностному, групповому, институциональному и системному. Если оптику интерсекциональности упростить, то признается множество гендерных позиций (а не две), поскольку гендерные иерархии сопряжены с другими социальными иерархиями. Интерсекциональным называется место в социальном пространстве, механизм власти, порождающий это место, и позиция исследователя.

Проясним эти тезисы. Во-первых, интерсекциональным является социальная позиция — локация, сформированная под воздействием нескольких механизмов социального разделения и неравенства, которые взаимообусловлены и создают комплексный эффект. Интерсекциональной локации соответствуют определенные практики и жизненный опыт индивидов и групп, которые их занимают. Во-вторых, интерсекциональным называется комплекс взаимосвязанных, но различаемых аналитически механизмов власти, которые определяют локацию и соответствующую ей позицию. Интерсекциональность позволяет обозначить взаимное конституирование механизмов гендерных, расовых, этнических, классовых и других властных разделений, практик и институтов, а также идеологий и коллективностей. В-третьих, интерсекциональной является позиция исследователей, которые ставят перед собой академические задачи и одновременно следуют общественной повестке дня.

По мнению шведской исследовательницы Нины Люкке (Lykke 2006), признание ИА в гендерных исследованиях и его влияние за пределами академического феминизма связаны с несколькими обстоятельствами. Этот подход позволяет по-новому увидеть старые исследовательские проблемы и способствует получению контринтуитивных результатов эмпирических исследований. Кроме того, ИА сводит разные парадигмы социального знания, которые признают множественность механизмов власти (доминирования и угнетения). Наконец, понятие «интерсекциональность» становится публичным, интегрируется в политический дискурс и таким образом обретает общественную значимость. Его подхватывают медиа, оно становится общеупотребимым и понятным различным аудиториям, путешествует по научным дисциплинам. Категория «интерсекциональность» интегрирована в современный глобальный правозащитный дискурс, она

используется на международном, национальном и региональном уровне, когда речь идет о множественных формах дискриминации. Так, на 58-й сессии Комиссии по правам человека ООН была принята Резолюция по правам женщин, первый параграф которой гласит: «Мы признаем значимость исследования *пересечения множества форм дискриминации*, включая те из них, которые коренятся в гендерных отношениях» (цит. по: Yuval-Davis 2006). Это одно из конвенциональных толкований термина *интерсекциональность* в публичных дебатах.

При использовании ИА может создаться впечатление, что интерсекциональность — это всего лишь новое слово для обозначения хорошо известного социологам явления многомерной стратификации и сложно образованного статуса. Разнообразие статусных позиций и множественность ролей является социологической аксиомой. Однако новизна интерсекционального подхода заключается в трактовке связи между разными шкалами и измерениями неравенства и стратификации. Суть в том, что оси власти сопряжены и переплетены, т.е. механизмы воспроизводства неравенства — экономического, этнического, гендерного — действуют не изолировано, а взаимно обуславливают друг друга, (вос)создавая комплексную матрицу властных отношений и позиций. Силы разной направленности сопрягаются и создают локусы социального пространства, для которых характерна контекстуально заданная конфигурация отношений власти, явленная в индивидуальных или групповых практиках. Один из технических приемов, помогающих аналитически выявить множественность и комплексность механизмов неравенства при анализе социальной локации и встроеного в нее жизненного опыта называется «техникой второго вопроса» (ask the other question):

«Когда я обнаруживаю проявление расизма, я задаю вопрос: не является ли этот случай также примером проявления патриархата? Когда я вижу проявление сексизма в отношении женщин, я задаю вопрос: наблюдается в этом случае следствия гетеросексизма? Когда я наблюдаю гомофобию, я спрашиваю: как репрезентируется в этом случае классовая позиция объектов угнетения?» (Matsuda 1991: 1189).

Приведем примеры. Социальное положение «строитель-мигрант из Таджикистана» обозначает позицию на пересечении осей классового, гражданского, этнического и гендерного неравенства. В тексте, размещенном на одном из биллбордов Петербурга, ставшим импровизированной доской объявлений читаем: «Молодая образованная русская семья, приехавшая из Украины, снимет жилье на длительный срок». Здесь заявлена позиция потенциальных съемщиков на пересечении возраста, класса, этничности, сексуальности и гражданства. Мы уже упоминали о том, что российские исследователи следуют принципами интерсекционального подхода, однако не всегда делают это эксплицитно. Так, анализируя опыт трудовых мигрантов

из Молдовы, Ольга Бредникова показывает, как опыт жизни и работы в России преобразует гендерные и семейные паттерны взаимодействия (Бредникова 2003). В исследовании Анны Темкиной, посвященном трансформации сексуальных практик образованных женщин в Таджикистане, Армении и России в постсоветский период, демонстрируется как этничность, возраст и гражданство связаны с образцами сексуального поведения и гендерными предписаниями (Темкина 2008). Ирина Тартаковская прямо заявляет, что она опирается на интерсекциональный подход при изучении трудовых стратегий российских мужчин и женщин (Тартаковская 2015: 86).

Таким образом, интерсекциональный подход представляет собой аналитический инструмент, позволяющий обозначить множество взаимосвязанных и комплексно действующих осей власти, пронизывающих многомерное социальное пространство. Этот объемный взгляд помогает уйти от плоских генерализаций, заставляет мыслить конкретно и ставить исследовательские вопросы по поводу сложного опыта субъектов современного социального мира. Как расовая позиция в конкретном обществе становится гендерной или как гендерные различия обретают расовые формы? Как категории возраста и гендера связаны с производством классовой позиции? Как этнические мигранты адаптируются к гендерному порядку, отличному от того, в рамках которого происходила их социализация? Таких вопросов может быть бесчисленное множество, учитывая разнообразие возможных контекстов исследования — и все это вопросы о том, как работают механизмы власти (и знания), определяя ту или иную социальную локацию, наполненную идентифицируемыми практиками. При этом феминистская позиция сохраняется — внимание исследователей преимущественно обращено к тем социальным контекстам, которые характеризуются подчинением, угнетением и исключением (Здравомыслова, Темкина 2014).

Развитие интерсекционального подхода

ИА утверждался в гендерных исследованиях на фоне критики позиционной феминистской эпистемологии и наивно понимаемой политики идентичности. В 1980-е гг. в феминистской теории происходит деконструкция категории «гендер», до этого признаваемой бесспорно «полезной категорией социологического анализа» (Скотт 2001). Тезис об универсальности гендерной бинарной оппозиции критикуется цветными феминистками и представительницами постструктуралистской мысли (Дэвис 1987; Butler 1990). Объектом критики черных феминисток становится представление о едином женском субъекте, универсалистский тезис об угнетенном положении всех женщин, независимо от их принадлежности к классу и/или расовой категории. В центре их внимания оказывается особый опыт черных американок, который характеризуется множественным угнетением, порожденным дей-

ствием пересекающихся систем доминирования: расизма, империализма, классицизма и гетеронормативности. В 1977 г. черная лесбийская американская группа Combahee River Collective опубликовала политико-академический манифест, в котором утверждалось, что гендер, раса, класс и сексуальность должны стать интегральными категориями любого феминистского анализа, поскольку они обозначают базовые структуры системного угнетения, действующие в американском обществе и неразрывно связанные друг с другом. Через несколько лет вышла в свет их «Антология черного феминизма» (Hull et al. 1982). Американская исследовательница Анжела Дэвис, ставшая международным символом черного феминизма, опубликовала в 1981 г. книгу «Женщины, раса и класс» (Дэвис 1987).

Одновременно критику бинарной гендерной оппозиции развивают и постструктуралисты (Butler 1990). Они используют методологию деконструкции конвенциональных академических и политических категорий, непосредственно связанных с опытом повседневности. Бинарные гендерные оппозиции — создание границ мужественности и женственности — рассматриваются как механизмы воспроизводства угнетения через повседневное и академическое знание. Результатом феминистской критики стал поворот гендерных исследований к анализу конкретных сконструированных властью-знанием социальных локаций, к внутригендерным различиям, к изучению иерархии функционирующих в обществе образцов мужественности и женственности (см., напр., Киммел 2006 [2000]; Коннелл 2015 [1987]).

Интерсекциональный подход, таким образом, представляет собой развитие феминистского анализа множественности и понимания гендерных различий и иерархий. При этом тезис о фрагментации — распаде — единого женского субъекта ставит под вопрос основания общего феминистского политического и академического проекта. Как возможна женская солидарность и политическое действие, если опыт женщин так разнообразен и множественен? Однозначный ответ на этот вопрос дать невозможно. Но очевидно, что феминистская повестка дня признается контекстуальной и подвижной. Исследователи определяют свою позицию как публично ангажированную, ориентированную на сопротивление несправедливому неравенству.

В это же время термин «интерсекциональность» вводит в академический лексикон чернокожая американская феминистка, юрист по профессии, Кимберле Креншо (Crenshaw 1989, 1991) в контексте обсуждения социальной маргинализации черных американок, жизненный опыт которых определяется их расовой, гендерной и классовой принадлежностью. Она определяет интерсекциональность как «многомерность разнообразного жизненного опыта маргинализированных субъектов» (Crenshaw 1989: 139). Изучая практики американских шелтеров, Креншо обнаружила, что в их работе не учи-

тывается специфика жизненного опыта цветных женщин: они чаще, чем белые женщины-жертвы домашнего насилия, являются бедными и безработными, находятся в большей зависимости от своих мужей, оказываются менее осведомленными или не способными воспользоваться имеющимися возможностями решения конфликтов. Эти особенности социального положения не принимаются в расчет при организации помощи, и цветные женщины оказываются особенно уязвимыми в трудной жизненной ситуации. Исследование Креншо демонстрирует, что несмотря на то, что расизм и сексизм постоянно пересекаются в повседневной жизни американских граждан, антидискриминационные феминистские и антирасистские проекты существуют отдельно друг от друга и оставляют без внимания комплексное воздействие нескольких механизмов власти на локацию негативно позиционированных групп (Crenshaw 1991).

Особенно значимы для понимания ИА работы Патриции Хилл Коллинз, посвятившей серию исследований доминирующим в американском обществе репрезентациям мужественности и женственности. Автор вводит в оборот термин «*матрица господства*» (иногда — «матрица власти»), который обозначает исторически специфичную комплексную систему властных отношений в обществе. Каждая матрица господства характеризуется двумя параметрами. Во-первых, для нее характерен собственный модус интерсекциональности, т.е. своеобычное сочетание пересекающихся систем угнетения (например, по признакам расы, класса, гендера, сексуальности, гражданского статуса и возраста). Во-вторых, специфика матрицы по-разному сказывается на разных уровнях системы — межличностном, организационном, структурном (Collins 2000a [1990]: 299, 227-228). Коллинз показывает, как матрица господства создает контролирующие образцы мужественности и женственности. Исследовательница выявляет такие образцы женственности, изучая их репрезентации в медиа, где по-разному представлены комбинации позиций в расовой, гендерной и классовой структурах распределения власти.

В американском медийном пространстве нормативная универсальная модель женственности представлена образами белой гетеросексуальной представительницы среднего класса — домохозяйки, матери и профессионально занятой женщины (Коллинз 2017). Идеал американской семьи и женственности описывается как когерентный и исключаящий по отношению к другим семейным формам и паттернам гендерных практик (Collins 2000b). Контролирующие образы черных женщин действуют как механизмы создания инаковости и субординации по признакам класса и гендера. «Няни-негритянки» или «Мамушки» (*mammy*) представляют модель цветной прислуги, беззаветно преданной своим белым нанимателям. Иначе выглядит модель «матриархатной женственности» (*matriarch*), представляющая социальную локацию, выраженную практиками властной чернокожей матери

и супруги, которая безусловно доминирует в пространстве семейной жизни. Чернокожая мать, живущая на пособии (the welfare mother) — еще один классово-гендерный и расово артикулированный контролирующий образ. Коллинз показывает, что интерсекциональные материнские практики черной «королевы соцзащиты» представлены как паттерны воспроизводства культуры бедности; ее социальное положение описывается как экономически зависимое и прекарное, ее семейный статус — мать-одиночка. Она представлена в категориях гражданства как субъект, находящийся в постоянном ожидании льгот и формирует у своих детей такие же иждивенческие установки. Еще один образ — «черная леди» (the “Black lady”) представляет образованную темнокожую женщину, достигшую профессиональных успехов, однако не способную найти постоянного партнера и вынужденную отказаться от перспектив семейной жизни ради карьерного продвижения. В репертуаре репрезентаций, представляющих контролирующие гендерные образцы, значимое место занимает гиперсексуализированная модель черной женственности. Образ сексуально доступной, продажной и агрессивной чернокожей женщины (hoochie) обозначает морально осуждаемое поведение. Контролирующая сила этого образа в том, что он создает две существенные гендерные границы: одна отделяет морально одобряемую женственность от порицаемой, другая служит для различения морально допустимой сексуально наступательной мужественности от нормативной пассивно покорной женственности.

Все описанные выше репрезентации женственности, выявленные благодаря интерсекциональному анализу медийных продуктов, актуализируются в символическом контексте американского общества, где коллективная память с готовностью мобилизует знание о механизмах расизма, сексизма и классовой эксплуатации. Феминистские исследования и политические проекты стремятся не только деконструировать данные репрезентации, но и способствовать субверсии (подрыву) тех властных структур, которые их порождают (Collins 2000b [1990]: 69-84; Коллинз 2017).

Интерсекциональность в разных академических традициях

Постепенно ИА захватывает все большее число измерений социального разделения, которые интересуют исследователей в конкретных проектах, направленных на деконструкцию социальной локации и выработку стратегии социального продвижения подавляемых групп. Аналитический взгляд обращается к социальным позициям, связанным с неравенством в отношении здоровья, возраста, сексуальности, гражданского статуса (напр., McRuer 2006). Идеи интерсекционального подхода подхватываются феминистскими и гендерными исследователями во всем мире. Так, в рамках этой методологии британские социологи Флоя Энтиас и Нира Юваль-Дэвис изучают

социальное положение женщин африканского и азиатского происхождения в Англии (Anthias, Yuval-Davis 1983; Yuval-Davis 2006). Немецкая исследовательница Хельма Луц — оплачиваемый домашний труд как практики, определяемые гражданством, классом и гендером (Lutz 2002). Шведская исследовательница Нина Люкке — опыт этнически маркированных сексуальных меньшинств в Скандинавии (Lykke 2006). Ниже мы приведем несколько примеров ИА в разных академических традициях.

В настоящее время ИА особенно активно используется в исследованиях идентичности и жизненных стратегий. При этом идентичности понимаются как сложно формируемые в соотношении с позициями, занимаемыми индивидами, и выступают предметом контекстуализированных трансформаций. Например, анализ автобиографического нарратива гражданки Нидерландов, взрослой дочери марокканских трудовых мигрантов, демонстрирует, как рассказчица меняет в ходе повествования Я-позицию, и каждый раз по-новому формулирует свою идентичность (Buitelaar 2006). В оркестре множества голосов, которым уподобляется нарратив, лидирует голос мусульманки, он позволяет выразить религиозную идентификацию и ввести исламские дискурсы в преимущественно светский голландский политический диалог. Схожим образом Нина Люкке анализирует нарративное интервью с турчанкой, проживающей в Осло (Lykke 2006). Информантка использует несколько связанных между собой способов репрезентации своей принадлежности к турецкой культуре, своему материнству, гражданству. Анализ обнаруживает множественность гендерно определенных позиций, связанность гендерной идентичности с этничностью, религиозной принадлежностью и гражданством.

Но ИА не ограничивается проблематикой идентичности. Исследовательский вопрос и уровень анализа может быть совсем другим. Так, Иван Селеньи и его коллеги используют этот методологический инструмент для изучения структурного неравенства — феномена устойчивой экономической бедности в Восточной Европе, переживающей глубинные трансформации в 1990-е гг. (Selenyi et al. 2001). Опираясь на данные статистики и полевых исследований, социологи демонстрируют эффекты этнитизации и феминизации устойчивой бедности. В работе речь идет об интерсекциональности этничности и гендера в социальной локации экономически депривированных жителей: цыганских женщин в Венгрии и Румынии, которые до сих пор составляют один из самых устойчивых и плотных анклавов бедности в регионе. ИА позволил обратить внимание на социально-культурные механизмы, способствующие их уязвимому положению, на взаимообусловленные этнические и гендерные характеристики бедности.

Нира Юваль-Дэвис развивает ИА, изучая различные политические проекты и гражданские инициативы, мобилизующие чувства социальной

принадлежности своих сторонников (social belonging) (Yuval-Davis 2011). Социальная принадлежность — эмоциональная привязанность к социальному целому, проявляемая в коммуникативных практиках, может оставаться до определенного момента неосознанной и латентной, однако в ходе политизации (снизу или сверху) она становится актуальным ресурсом коллективного действия. Гегемонные формы принадлежности — гражданство и этничность — мобилизуются повсеместно. Однако в современном обществе все чаще осями консолидации в рамках политических инициатив становятся такие аспекты социальной принадлежности, как вероисповедание или космополитизм, а в феминистском движении — представления об этике заботы. Именно политизация принадлежности приводит к подъему как фундаменталистских, так и правозащитных движений. Интерсекциональный подход позволяет автору понять, как различные политические проекты конструируют позиции своих потенциальных сторонников, обозначая их позицию в сложной структуре власти и апеллируя к категориям солидарности по признакам расы, класса, гендера, вероисповедания, гражданства.

Американская исследовательница Лори Эссиг* обращает внимание на потенциал ИА в российском контексте. Она предлагает отказаться от привычного обсуждения гендерной тематики в терминах «российских мужчин» и «российских женщин», и обратить внимание на сложные дискурсивные фигурации, стоящие за этими воображаемыми сущностями. Исследовательница подчеркивает, что дискурсивно создаваемая модель «русской женщины» (и мужчины) опирается на осевые властные параметры расы, класса, сексуальной ориентации. Так, например, интерсекциональный анализ нормативных образцов мужественности и женственности, транслируемых попкультурой, предполагает особое внимание к расовой принадлежности персонажей (чаще всего белой), сексуальности (чаще всего гетеросексуальной), классу (чаще всего привилегированному), возрасту (молодому) и пр. ИА помогает понять особенности политики сексуальной идентичности в российском обществе, где субъектность (как гомосексуальная, так и гетеросексуальная) не является стабильной, но форматируется практиками, опытом (Essig 1999) и той сексуальной политикой и «эпистемологией желания», которые определяют тела ЛГБТ как национально чуждые (Эссиг 2014). Предпринятый Эссиг детальный анализ сексуальной культуры современного российского общества позволяет понять, почему гомосексуальный субъект «появился на свет» в западном контексте, и оказался «мертворожденным» в России.

* Этот вопрос был в центре внимания в ходе нашего совместного с Эссиг преподавания курса по гендерной социологии в ЕУСПб в 2015 году.

Исследователи отдают себе отчет в методических сложностях применения ИА в эмпирических исследованиях. Большинство работ в этой области опирается на качественную методологию, и в особенности, методологию кейс-стади. Объектом изучения, как правило, становится конкретная негативно привилегированная группа — которая переживает опыт бесправия, угнетения, эксплуатации. Предметом исследования являются множественные механизмы власти, которые порождают изучаемый опыт. В качестве данных используются материалы наблюдений и интервью. Непосредственными единицами эмпирического анализа являются тексты, в которых озвучены различные категории, соответствующие сложно организованному опыту. ИА стал неотъемлемой частью феминистских дебатов и гендерной социологии. При этом сохраняются различия в подходах, связанные с теоретическими предпочтениями и фокусом исследований.

Версии интерсекционального анализа

Мы описали основные принципы ИА и привели примеры эмпирических исследований, проведенных в разных контекстах. Необходимо также понять, какие дискуссии возникают в рамках данного подхода и какие различия в его толковании нужно иметь в виду. Обобщая множество интерпретаций ИА, Лесли МакКолл выделила три основных версии: антикатегориальный, категориальный и межкатегориальный (McCall 2005: 1773-4). Критериями различения является эпистемологическая и методологическая позиция исследователей.

Анти-категориальный ИА наследует принципы феминистского постструктурализма и деконструкции. Сторонники такого толкования считают, что конвенциональные базовые социологические категории — класс, гендер, раса — это инструменты власти-знания. Они лишь стабилизируют существующую матрицу неравного распределения ресурсов. Основное методологическое следствие такой критики: избегать использования конвенциональных аналитических категорий, потому что они создают категориальную реальность. Вслед за Фуко, исследователи фокусируют внимание на дискурсивном производстве социальных локаций, анализируя исключение и включение как механизмы осуществления власти. Так, например, российский исследователь Александр Кондаков показывает, как гетеронормативная система гражданства в России производит дискурсивные эффекты, ограничивая в правах геев и лесбиянок, производных от самой этой системы (Kondakov 2014). При таком подходе деконструируются конвенциональные аналитические категории, такие как сексуальная ориентация, гендер, класс, этничность, опыт, идентичность (Brah, Phoenix 2004). Так ИА трактуют некоторые квир-исследования.

Категориальный ИА конвенционально более близок социологам. Он исследует нормы, практики и идентичности, сформированные в результате комплексного воздействия множественных властных механизмов. Вопрос эмпирического исследования в рамках такой трактовки может быть сформулирован следующим образом: как принадлежность к определенной расовой, классовой, гендерной и другим позициям сказывается на практиках субъекта? Пересечение гендера с классовым и национальным властными разделениями находятся в фокусе внимания Елены Гаповой, изучающей трансформации постсовесткой Беларуси (Гапова 2016); Александрина Ваньке и Максим Кулаев исследуют модели маскулинности представителей рабочих профессий в российском контексте (Ваньке, Кулаев 2016). В рамках категориального ИА в свою очередь выделяются системная и конструктивистская версия, соответствующие эпистемологическим установкам исследователей.

Системная версия анализирует комплексное действие нескольких механизмов власти на макроуровне. Так, Сильвия Уолби рассматривает интерсекциональность как атрибутивное свойство комплексных социальных систем, проявляющееся во взаимообусловленности экономических, политических и культурных структур, определяющих локусы практик (Walby 2012). Мирра МакФерри подчеркивает, что дискурсивная политика, использующая механизмы категоризации и упорядочивания социальной реальности, создает матричную структуру и осуществляет эффективный контроль над нею (Ferree 2008). Конструктивистская версия категориального ИА делает объектом изучения повседневные практики и идентичности конкретных социальных групп, опыт которых определяется социальной локацией на пересечении нескольких осей власти. Таким образом внимание переносится с макропроцессов, которые создают системы комплексного неравенства, на микроуровень изучения конкретных случаев. При этом исследователи обращают внимание на те маргинализированные социальные группы, которые долгое время находились вне исследовательского интереса и опыт которых необходимо озвучить и признать. В качестве примера приведем российские исследования профессиональных низкооплачиваемых или низкостатусных позиций, в которых заняты преимущественно женщины — акушерки, медсестры, няни, домашние работницы, социальные работники (Бороздина 2016; Здравомыслова, Ткач 2016; Simonova 2017).

Межкатегориальный ИА предполагает картографирование социального пространства с учетом ключевых осей власти. Метод исследования при этом является систематически сравнительным и предполагает сопоставление статистических данных, учитывающих несколько параметров, описывающих социальную позицию. Приведем пример из работы Лесли МакКолл. При конвенциональном исследовании гендерной системы сравниваются

данные о положении двух социальных категорий — мужчин и женщин. При изучении гендерного измерения классовых различий, необходимо сопоставить данные о социальном положении шести групп (если принять условное трехклассовое деление общества). Если во внимание принимаются расовые различия, то получим матрицу, составленную из двенадцати позиций. Если ИА учитывает помимо перечисленных выше и этнические различия, то позиций и групп становится еще больше. Таким образом межкатегориальный подход «использует существующие аналитические категории для документирования отношений неравенства между социальными группами и анализа изменяющихся конфигураций неравенства по множеству различных конфликтующих измерений» (McCall 2005: 1785).

Дилеммы анализа интерсекциональности

Толкования и способы применения ИА стали предметом теоретических дискуссий. Выделим несколько проблемных точек, к которым постоянно обращаются исследователи (Yuval-Davis 2011; Walby 2012).

Дилемма 1. Контекстуальная интерсекциональность или фундаментальное угнетение.

Мы показали, что в рамках ИА исследователи изучают эффекты нескольких взаимосвязанных механизмов неравенства. При этом они часто ставят вопрос о том, существует ли базовый тип неравенства и соответствующий ему приоритетный политико-академический проект, или все формы неравенства и все проекты обладают равной значимостью для академической (пост)феминистской повестки. Какой вид угнетения обладает фундаментальным статусом в обществе: расизм или сексизм, или классовая эксплуатация, или гетеронормативность? Можно ли в принципе дать однозначный ответ на такой вопрос? Мы помним, что ортодоксальный марксизм отдавал приоритет классовому, экономическому, неравенству, считая, что остальные формы производны от последнего — порождаются надстройкой. Теории патриархата — гендерному неравенству. Однако такого рода однозначные ответы давно поставлены под сомнение.

Американская исследовательница Анж-Мари Ханкок с сарказмом критикует феномен «соревнования угнетений» (Oppression Olympics), когда исследователи и активисты спорят о том, какая форма неравенства является базовой и наиболее жестокой в обществе — расовая? Классовая? Гендерная? А может быть, по признаку возраста или здоровья? Исследовательница утверждает, что все механизмы угнетения в равной мере должны становиться объектами исследования (Hancock 2007). В одном контексте на передний план выходит классовая эксплуатация, в другом — расовое угнетение, в третьем — гендерная дискриминация.

При этом исследователи все же выделяют базовые оси власти и те параметры социального разделения, которые представляются универсальными, т.е. воспроизводятся во всех контекстах человеческого бытия. Такие критерии социального разделения как гендер, этап жизненного пути (возраст), этничность и классовая принадлежность формируют человеческий опыт во всех обществах и характеризуют фактически все глобальное пространство социальных позиций. Однако существуют оси власти, которые имеют не глобально-универсальное, но чрезвычайно важное контекстуальное значение. Такими, например, являются кастовые деления в Индии. Они специфичны для этого контекста и играют ключевую роль в формировании жизненного опыта жителей страны и организации общества в целом до сих пор. Другой пример — колониальное господство, переживаемое представителями субальтерных сообществ как фундаментальное угнетение, по сравнению с которым сексизм, дискриминация людей с ограниченными возможностями и даже расизм могут оказаться производными, хотя и составляют существенную часть опыта конкретных индивидов и групп. В современном российском контексте можно обнаружить образцы гомофобии, ксенофобии, сексизма, расизма, эйджизма, но важно понимать, что при наличии одного очевидного признака неравенства и власти могут имплицитно быть задействованы и другие. Таким образом, участники обсуждения еще раз подчеркивают принцип контекстуального интерсекционального анализа, учитывая, что в конкретных социально-исторических обстоятельствах некоторые оси власти и социальные разделения более значимы в производстве и конструировании социальных локаций, чем другие.

Дилемма 2. Три, пять или много...

Обсуждая содержательный набор и число параметров социального разделения, которые необходимо учитывать при ИА, большинство исследователей выделяют три основных — гендер, раса/этничность и класс (Crenshaw 1989; 1991; McCall 2005). Однако постепенно расширяется спектр разнонаправленных осей власти и параметров социального опыта, учитываемых исследователями. При изучении опыта миграции скандинавские исследователи анализируют переплетение этничности, гендера, сексуальной ориентации и гражданства (Staunæs 2003). Исследования, посвященные квир и инвалидности цветных женщин, анализируют их позиции на пересечении четырех осей распределения власти: сексуальной ориентации, расы, гендера и состояния здоровья (Lykke 2005). Немецкая исследовательница Хельма Лутц описывая разные версии ИА перечисляет следующие критерии социального разделения: гендер, сексуальность, расовую принадлежность (цвет кожи), этничность, гражданство, культуру, здоровье, возраст, религию, класс — она отмечает, что и данный список не является исчерпывающим (Lutz 2002: 13).

Бесконечное расширение спектра учитываемых параметров угнетения — эффект «эт-сетера» (“etc. effect”) — сопутствует обсуждению интерсекциональности. Этот эффект проявляется в том, что перечисление различных механизмов господства и угнетения, определяющих положение потенциально непривилегированных групп, исследователи завершают словосочетанием «и так далее». Эта лексема имеет символическое значение: она указывает на бесконечность процесса сигнификации различий и истощение исследовательского воображения, когда вновь вводимый параметр прямо не указывается, но к нему отсылают как к некоей неясной возможности (Butler 1990: 143). Однако Юваль-Дэвис считает, что такая экспансия ИА вполне оправдана. Она связана с расширением проблематики социального исключения в различных институциональных контекстах, которые не учитываются оптикой упрощающего трехмерного анализа гендера/расы/класса (Yuval-Davis 2011).

Юваль-Дэвис утверждает, что ИА предполагает контекстуальное изучение социальной локации, образованной конкретным сочетанием воздействия механизмов неравного распределения ресурсов. Одни различия имеют универсальный характер, другие — более специфичны, но существенны для определения социальной позиции конкретных групп. Для российского контекста категория расовой принадлежности, возможно, не столь значима, как для американского, сохранившего память о рабстве. В нашем контексте значимы этнические разделения, которые в некоторых случаях действуют аналогично расовым. Российский расистский дискурс называет «черными» мигрантов с Кавказа и «таджиками» — всех мигрантов из Центральной Азии. Значимыми являются различия в жизненном цикле и состоянии здоровья, связанные с гендером и классом. Например, исследования показывают, что женщины, принадлежащие к экономически привилегированным группам, которые могут оплачивать услуги родовспоможения в городских роддомах, рассчитывают получить более качественное обслуживание и заботу, медицинские работники относятся к ним внимательнее и больше прислушиваются к их мнению (Темкина 2017). Иное положение в системе родовспоможения будет у женщин-мигранток (Рочева 2014).

Мы предполагаем, что в контексте возрастающего классового неравенства в российском обществе пересечение гендера, класса и этничности, является ключевым для определения позиции в гендерной системе (см., Богданова, Бредникова 2012). Сексуальная жизнь и гендерные практики переосмысливаются в анклавах устойчивой городской бедности конца 1990-х годов в России; бедность оказывает влияние на сексуальные практики, которые становятся более прагматичными и коммерциализированными (Ярошенко 2009). Для политического проекта российского феминизма в настоящее время особенно важными являются различия в сексуальной ориентации,

которые являются ареной политизации, где действуют механизмы символического исключения и маргинализации (Kondakov 2014).

Дилемма 3. Между аддитивностью и трансверсальностью

Обсуждая соотношение различных осей власти или взаимодействие механизмов неравенства, исследователи делают выбор между аддитивной и трансверсальной трактовкой интерсекциональности. Аддитивная трактовка интерсекциональности предполагает анализ множественного неравенства по принципу дополнения, когда, например, изучение классовых факторов сопровождается анализом гендерных или этнических. Изучая эффект тройного угнетения цветных женщин рабочего класса в Англии, каждый из механизмов социального разделения исследуется автономно, а их воздействие на положение женщин рассматривается как кумулятивное (Anthias, Yuval-Davis 1983).

Однако все большее внимание исследователи уделяют трансверсальному ИА, когда сцепленные друг с другом оси власти образуют как бы единый механизм, действие которого невозможно даже аналитически разложить на составляющие — расовое, классовое или гендерное неравенство. Сочетание разных механизмов, действующих различным образом, производит целостный комплексный эффект социальной локации, реализуемой в практиках. Например, возрастная позиция формируется через конвенции женственности (интерсекциональность возраста и гендера); вместе с тем гендерные идеологии (представления о подобающей женственности) влияют на позиционирование в категориях возраста. Повседневный эйджизм глубоко укоренен в российском обществе, которое строго контролирует соблюдение норм уместного поведения для пожилых граждан. Однако в условиях популяризации концепции «активного долголетия» в России происходит эстетизация старения, которая связана с гендером (Низамова 2016).

Такое понимание интерсекциональности выводит его за пределы анализа позиции личности, группы или социального института. Пересечение гендера и других осей власти-знания рассматривается как социальный процесс, благодаря которому создается социальная локальность — явленная взгляду исследователя и распознаваемая членами общества. Процессы гендеризации расовой принадлежности или гендеризации этапа жизненного пути, гендеризации богатства или бедности могут быть релевантны для любой сферы социальной жизни: сексуального и репродуктивного опыта, политической власти, занятости или жилищных условий. Таким образом, относительно автономные сферы социальной жизни рассматриваются как организационные поля, в рамках которых переживается опыт множественного неравенства, но также происходит борьба с ним (Ferree 2008).

Заключение

Интерсекциональный поворот позволяет решить насущные задачи, стоящие перед академическим феминизмом и гендерными исследованиями. Во-первых, ИА показывает, что гендерные иерархии множественны, что гендерная категориальная дихотомия представляет собой в лучшем случае упрощение, способствующее стратегическому действию, а в худшем случае — работает как механизм подавления, умалчивания и маргинализации *другого* опыта мужественности и женственности. Категория «интерсекциональность» идиоматически выражает основную проблематику современного академического и политического феминизма — иерархизированные различия между разными категориями женщин и мужчин.

Во-вторых, эвристичность категории интерсекциональности заключается в том, что она фиксирует комплексный характер воздействия множества механизмов власти, обуславливающих социальную позицию индивидов и групп, особенно тех, которые находятся в положении угнетения.

В-третьих, этот подход позволяет сохранить политическую направленность гендерных исследований и способствует сближению задач сопротивления неравенству и его изучения, обращая внимание на конкретные культурно определенные контексты. Более того, производство знания рассматривается как ситуационный процесс, порождаемый позициями исследователя и исследуемых. Исследователи призваны улавливать множество голосов, изучать множество позиций, осознавая их привилегии и ограничения в рамках сложной матрицы господства. Позиция угнетенных не обязательно порождает политические проекты освобождения, но непременно производит собственное видение действительности. Задача исследователя — сконцентрировать внимание на конкретных контекстах формирования ситуативного знания и подвергнуть рефлексии свою позицию в этом процессе.

Наконец, оптика интерсекциональности позволяет концентрировать внимание на ключевых осях власти, то есть факторах социального разделения, обозначенных такими категориями, как гендер, этничность/раса, класс, возраст, сексуальность и гражданство. Однако в зависимости от исторического и культурного контекста, а также проблематики исследования актуализируются и другие параметры различения и стратификации.

Литература

Богданова Е., Бредникова О. (ред.) (2012) *Вдали от городов. Жизнь постсоветской деревни*. СПб.: Алетей.

Бороздина Е. (2016) Забота в родовспоможении: выгоды и издержки профессионалов. *Журнал исследований социальной политики*, 14 (4): 479–492.

Бредникова О. (2003) Женская трудовая миграция: смена гендерных контрактов? Попкова Л.Н., Тартаковская И.Н. (ред.) *Гендерные отношения в совре-*

менной России: исследования 1990-х годов. Самара: Самарский университет: 143–154.

Ваньке А., Кулаев М. (2016) Репрезентации рабочих в российской печатной прессе. *Журнал исследований социальной политики*, 14 (1): 23–38.

Гапова Е. (2017) *Классы наций: феминистская критика национализма*. М.: НЛО.

Дэвис А. (1987) *Женщины, раса, класс*. М.: Прогресс.

Здравомыслова Е., Темкина А. (2014) Феминистские рефлексии о полевоом исследовании. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 1: 84–112.

Здравомыслова Е., Ткач О. (2016) Культурные модели классового неравенства в сфере наемного домашнего труда в России. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 3: 68–99.

Киммел М. (2006) *Гендерное общество*. М.: РОССПЭН.

Коллинз П. (2017) Репрезентация афроамериканских женщин. Интервью с Патрицией Хилл Коллинз. *Глобальный диалог*, 7 (1): 15–16.

Коннелл Р. (2015) *Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика*. М.: НЛО.

Низамова А. (2016) Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? *Журнал исследований социальной политики*, 14 (4): 569–582.

Рочева А. (2014) «Понаехали тут» в роддомах России: исследование режима стратифицированного воспроизводства на примере киргизских мигрантов в Москве. *Журнал исследований социальной политики*, 14 (4): 367–380.

Скотт Дж. (2001) Гендер: полезная категория исторического анализа. Жербекин С. (ред.) *Введение в гендерные исследования. Хрестоматия. Часть 2*. СПб.: Алетейя: 405–436.

Тартаковская И. (2015) Воспроизводство гендерного порядка через карьерные стратегии: попытка интерсекционального анализа. *Социологические исследования*, 5: 84–93.

Темкина А. (2008) *Сексуальная жизнь женщины: между свободой и подчинением*. СПб.: Издательство ЕУСПб.

Темкина А. (2017) «Экономика доверия» в платном сегменте родовспоможения: городская образованная женщина как потребитель и пациентка. *Экономическая социология*, 18 (3): 14–53.

Эсиг Л. (2014) «Сердца геев надо зарывать в землю»: размышления об охоте на гомосексуалов в России. Кондаков А. (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований: сборник статей*. СПб.: ЦНСИ: 3–23.

Ярошенко С. (2009) Бедные люди: мир любви и сексуальности. Здравомыслова Е., Роткирх А., Темкина А. (ред.). *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*. СПб.: Издательство ЕУСПб: 373–403.

Anthias F., Yuval-Davis N. (1983) Contextualizing Feminism: Gender, Ethnic and Class Divisions. *Feminist Review*, 15: 62–75.

- Brah A., Phoenix A. (2004) Ain't I a Woman? Revisiting Intersectionality. *Journal of International Women's Studies*, 5 (3): 75–86.
- Buitelaar M. (2006) I am the Ultimate Challenge. *European Journal of Women Studies*, 13 (2): 259–296.
- Butler J. (1990) *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. London: Routledge.
- Collins P. (2000a) *Black Feminist Thought: Knowledge, consciousness and the politics of Empowerment*. Boston: Unwin Hyman.
- Collins P. (2000b) It's All in the Family: Intersections of Gender, Race, and Nation. In: Narayan U., Harding S. (eds.) *Decentering the Center: Philosophy for a Multicultural, Postcolonial, and Feminist World*. Bloomington: Indiana University Press: 156–176.
- Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence Against Women of Color. *Stanford Law Review*, 43 (6): 1241–1299.
- Crenshaw K. (1989) Demarginalizing the Intersection of Race and Sex. *University of Chicago Legal Forum*, 1: 139–167.
- Essig L. (1999) *Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other*. Durham: Duke University Press.
- Ferree M. (2008) Inequality, Intersectionality and the Politics of Discourse: Framing Feminist Alliances. In: Lombardo E., Meier P., Verloo M. (eds.) *The Discursive Politics of Gender Equality: Stretching, Bending and Policy-Making*. London: Routledge: 84–101.
- Hancock A.-M. (2007) Intersectionality as a Normative and Empirical Paradigm. *Politics & Gender*, 3 (2): 248–253.
- Hull A., Bell Scott P., Smith B. (1982) *All the Women Are White, All the Blacks Are Men. But Some of Us Are Brave: Black Women's Studies*. Old Westbury, NY.: Feminist Press.
- Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, 23(2): 151–174.
- Lutz H. (2002) Zonder blikken of blozen. Het standpunt van de (nieuw-) realisten. *Tijdschrift voor Genderstudies*, 3: 7–17.
- Lykke N. (2006) Intersectionality Revisited: Problems and Potentials. *Kvinnovetenskaplig tidskrift*, 2–3: 7–17.
- Matsuda M. (1991) Beside My Sister, Facing the Enemy: Legal Theory out of Coalition. *Stanford Law Review*, 43(6): 1183–1192.
- McCall L. (2005) The Complexity of Intersectionality. *Signs*, 30(3): 1771–1800.
- McRuer R. (2006) *Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability*. NY.: New York University Press.
- Selenyi I., Fodor E., Emigh R. (eds.) (2001) *Poverty, Ethnicity and Gender in Eastern Europe During the Market Transition*. Westport: Praeger.
- Simonova O. (2017) Emotion Management and the Professional Culture of Administrative Social Workers in Russia: Common Standards Versus the Moral Mission of Social Care. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 15 (1): 129–142.

Staunæs D. (2003) Where Have All the Subjects Gone? Bringing together the Concepts of Intersectionality and Subjectification. *Nora*, 11(2): 101–110.

Walby S. Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. *Sociology*, 2012, 46(2): 224–240.

Yuval-Davis N. (2006) Intersectionality and Feminist Politics. *European Journal of Women's Studies*, 13(3): 193–210.

Yuval-Davis N. (2011) *The Politics of Belonging. Intersectional Contestations*. London: Sage.

INTERSECTIONAL TURN IN GENDER STUDIES

Anna Temkina, Elena Zdravomyslova*

European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Citation: Temkina A.A., Zdravomyslova E.A. (2017) Interseksional'nyy povорот v gendernykh issledovaniyakh [Intersectional Turn in Gender Studies]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 20 (5): 15–38 (in Russian).

Abstract: The word ‘intersection’ refers to the image of crossroad where several major highways meet. Intersectional methodology in gender studies investigates the multiplicity and complexity of gender hierarchies produced by the several axis of power. Rejecting gender dichotomy intersectional analysis claims that gender diversity is formed by class, race (ethnicity), age, citizenship, sexuality and other axis of power and social division. We explore intersectional analysis (IA) as one of the current methodologies of gender studies, which have been recognized in academia and widely used in the last decades. We describe the main principles of IA, academic debates on this approach, criticizing stability and universality of gender categories. We present the key dilemmas of IA and advantages of this method for empirical research. Critiques and adherents of this approach debate the concrete dimensions of social divisions and axis of power, the additive and transversal patterns of social divisions’ intersection and the influence of individual and group experiences of multiple oppressions on the social position within matrix of power. IA in gender studies is considered as methodology of analysis of the complex mechanisms of multiple inequalities producing social locations and relevant social positions. We will show the significance of historical and cultural contexts, which produce and reproduce social hierarchies, but also produce the emancipatory agenda in gender studies. We illustrate this approach within the context of Russian empirical research.

Keywords: Intersectionality, gender studies, oppressions, inequalities, class, gender, race, ethnicity, sexuality

References

- Anthias F., Yuval-Davis N. (1983) Contextualizing Feminism: Gender, Ethnic and Class Divisions. *Feminist Review*, 15: 62–75.
- Bogdanova E., Brednikova O. (ed.) (2012) *Vdali ot gorodov. Zhizn' postsovetskoy derevni* [Away from the cities. The Life of the Post-Soviet Village]. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Borozdina E. (2016) Zabota v rodovspomozhenii: vygody i izderzhki professionalov [Professional Care in Maternity Hospitals: Benefits and Challenges]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 14 (4): 479–492 (in Russian).
- Brah A., Phoenix A. (2004) Ain't I a Woman? Revisiting Intersectionality. *Journal of International Women's Studies*, 5 (3): 75–86.
- Brednikova O. (2003) Zhenskaya trudovaya migratsiya: smena gendernykh kontraktov? [Women's labor migration: the change of gender contracts?]. In: Popkov L.N., Tartakov-

* Corresponding authors. E-mail: temkina@eu.spb.ru, zdrav@eu.spb.ru

skaya I.N. (eds.) *Gendernyye otnosheniya v sovremennoy Rossii: issledovaniya 1990–kh godov* [Gender relations in modern Russia: research in the 1990s]. Samara: Samara University: 143–154 (in Russian).

Buitelaar M. (2006) I am the Ultimate Challenge. *European Journal of Women Studies*, 13 (2): 259–296.

Butler J. (1990) *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity*. London: Routledge.

Collins P. (2000a) *Black Feminist Thought: Knowledge, consciousness and the politics of Empowerment*. Boston: Unwin Hyman.

Collins P. (2000b) It's All in the Family: Intersections of Gender, Race, and Nation. In: Narayan U., Harding S. (eds.) *Decentering the Center: Philosophy for a Multicultural, Postcolonial, and Feminist World*. Bloomington: Indiana University Press: 156–176.

Collins P. (2017) Reprezentatsiya afroamerikanskikh zhenshchin. Interv'yu s Patricia Hill Collins [The representation of African American women. Interview with Patricia Hill Collins]. *Global'nyy dialog* [Global Dialogue], 7 (1): 15–16 (in Russian).

Crenshaw K. (1989) Demarginalizing the Intersection of Race and Sex. *University of Chicago Legal Forum*, 1: 139–167.

Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence Against Women of Color. *Stanford Law Review*, 43 (6): 1241–1299.

Davis A. (1987) *Zhenshchiny, rasa, klass* [Women, race, class]. Moscow: Progress (in Russian).

Essig L. (1999) *Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other*. Durham: Duke University Press.

Essig L. (2014) “Serdtsa geyev nado zaryvat' v zemlyu”: razmyshleniya ob okhote na gomoseksualov v Rossii [“Bury Their Hearts”: Some Thoughts on the Spectre of Homosexuality Haunting in Russia]. In: Kondakov A. (ed.) *Na pereput'ye: metodologiya, teoriya i praktika LGBT i kvir-issledovaniy* [On the crossroads: methodology, theory and practice of LGBT and Queer studies]. St. Petersburg: Center for Independent Social Research: 3–23 (in Russian).

Ferree M. (2008) Inequality, Intersectionality and the Politics of Discourse: Framing Feminist Alliances. In: Lombardo E., Meier P., Verloo M. (eds.) *The Discursive Politics of Gender Equality: Stretching, Bending and Policy-Making*. London: Routledge: 84–101.

Gapova E. (2017) *Klassy natsiy: feministskaya kritika natsiostroitel'stva* [Classes of Nations: feminist criticism of national construction]. Moscow: NLO (in Russian).

Hancock A.-M. (2007) Intersectionality as a Normative and Empirical Paradigm. *Politics & Gender*, 3 (2): 248–253.

Hull A., Bell Scott P., Smith B. (1982) *All the Women Are White, All the Blacks Are Men. But Some of Us Are Brave: Black Women's Studies*. Old Westbury, NY.: Feminist Press.

Kimmel M. (2006) *Gendernoye obshchestvo* [Gender Society]. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Kondakov A. (2014) The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship. *Social & Legal Studies*, 23(2): 151–174.

Lutz H. (2002) Zonder blikken of blozen. Het standpunt van de (nieuw-) realisten. *Tijdschrift voor Genderstudies*, 3: 7–17.

Lykke N. (2006) Intersectionality Revisited: Problems and Potentials. *Kvinnovetenskaplig tidskrift*, 2–3: 7–17.

Matsuda M. (1991) *Beside My Sister, Facing the Enemy: Legal Theory out of Coalition*. *Stanford Law Review*, 43(6): 1183–1192.

McCall L. (2005) The Complexity of Intersectionality. *Signs*, 30(3): 1771–1800.

McRuer R. (2006) *Crip Theory: Cultural Signs of Queerness and Disability*. NY.: New York University Press.

Nizamova A. (2016) Aktivnoye dolgoletiyе i vneshniy vid: kak teoreticheskaya kontseptsiya reguliruyet samovospriyatiye v starshem vozraste? [Active Ageing and Outward Appearance: How Do Theoretical Conceptions Affect Self-Perception in Old Age?]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 14 (4): 569–582 (in Russian).

Rocheva A. (2014) “Ponayekhali tut” v roddomakh Rossii: issledovaniye rezhima stratifitsirovannogo vosproizvodstva na primere kirgizskikh migrantov v Moskve [“A Swarm of Migrants in our Maternity Clinics”: The Study of Stratified Reproduction Regime in the Case of Kyrgyz Migrants in Moscow]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 12 (3): 367–380 (in Russian).

Scott J. (2001) Gender: poleznaya kategoriya istoricheskogo analiza [Gender: a useful category of historical analysis]. In: Zherebkin S. (ed.) *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya. Khrestomatiya. Chast' 2* [Introduction to Gender Studies. Reader. Part 2]. St. Petersburg: Aleteyya: 405–436 (in Russian).

Selenyi I., Fodor E., Emigh R. (eds.) (2001) *Poverty, Ethnicity and Gender in Eastern Europe During the Market Transition*. Westport: Praeger.

Simonova O. (2017) Emotion Management and the Professional Culture of Administrative Social Workers in Russia: Common Standards Versus the Moral Mission of Social Care. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 15 (1): 129–142.

Staunæs D. (2003) Where Have All the Subjects Gone? Bringing together the Concepts of Intersectionality and Subjectification. *Nora*, 11(2): 101–110.

Tartakovskaya I. (2015) Vosproizvodstvo gendernogo poryadka cherez kar'yernyye strategii: popytka interseksional'nogo analiza [The gender order reproduction via career strategies: Intersectional analyses]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological Studies], 2015, 5: 84–93 (in Russian).

Temkina A. (2008) *Seksual'naya zhizn' zhenshchiny: mezhdou svobodoy i podchineniyem* [Sexual life of women: between freedom and submission]. St. Petersburg: EUSP Press (in Russian).

Temkina A. (2017) “Ekonomika doveriya” v platnom segmente rodovspomozheniya: gorodskaya obrazovannaya zhenshchina kak potrebitel' i patsiyentka [“Economy of Trust” in Commercial Obstetric Care: Educated Urban Women as Consumers and Patients]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], 18 (3): 14–53 (in Russian).

Vanke A., Kulaev M. (2016) Rezentatsii rabochikh v rossiyskoy pechatnoy presse [Representations of Workers in Russian Print Media]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [Journal of Social Policy Studies], 14 (1): 23–38 (in Russian).

Walby S. Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. *Sociology*, 2012, 46(2): 224–240.

Yaroshenko S. (2009) Bednyye lyudi: mir lyubvi i seksual'nosti [Poor people: a world of love and sexuality]. In: Zdravomysslova E., Rotkirch A., Temkina A. (eds.) *Novyy byt v sovremennoy Rossii: gendernyye issledovaniya povsednevnosti* [A New Life in Modern Russia: Gender Studies of Everyday Life]. St. Petersburg: EUSP Press: 373–403 (in Russian).

Yuval-Davis N. (2006) Intersectionality and Feminist Politics. *European Journal of Women's Studies*, 13(3): 193–210.

Yuval-Davis N. (2011) *The Politics of Belonging. Intersectional Contestations*. London: Sage.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2014) Feministskiye refleksii o polevom issledovanii [Feminist Reflections on Fieldwork]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Studies], 1: 84–112 (in Russian).

Zdravomyslova E., Tkach O. (2016) Kul'turnyye modeli klassovogo neravenstva v sfere naemnogo domashnego truda v Rossii [Cultural Patterns of Class Inequality in the Realm of Paid Domestic Work in Russia], *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Studies], 3: 68–99 (in Russian).